

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Мертвый кролик, живой кролик

Елена Михалкова
Мертвый кролик,
живой кролик

Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 31

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/69299137>

Мертвый кролик, живой кролик: [роман] / Елена Ивановна Михалкова:
АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-156147-5

Аннотация

<r>Самый громкий провал Илюшина:</r> <r>преступление,
которое не было раскрыто,</r> <r>пропавшая женщина, которая
не была найдена,</r> <r>тайна, оставшаяся неразгаданной.</
r> <r>Десять лет спустя они возвращаются снова.</
r> <r>Преступление.</r> <r>Женщина.</r> <r>Тайна.</r>
<r>Читайте в новом детективе Елены Михалковой «Мертвый
кролик, живой кролик».</r>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Михалкова

Мертвый кролик, живой кролик

© Е. Михалкова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Встреча была назначена на утро понедельника.

В половине девятого Сергей Бабкин поднялся пешком на двадцать пятый этаж жилого дома и остановился перед металлической дверью.

Ключ у него был свой. Прежде чем открыть, Сергей хотел отдышаться. Но дверь распахнулась, и Макар Илюшин, ждавший на пороге в пижаме и тапочках, широко ухмыльнулся.

– Это так трогательно, – сочувственно сказал он. – Вот эта твоя уверенность, что ты сможешь тихо отдохнуть на площадке. Я тебя из кухни слышал. Хрипишь как лошадь в агонии.

– Ты меня видел в окно. – Бабкин отодвинул напарника и вошел в квартиру. – Кто назначает встречи в такую рань? Даже кофе выпить не успел...

Засыпая зерна в машину, Сергей слышал, как Илюшин насвистывает в спальне. Вскоре Макар вышел в брюках и голубом джемпере.

– Ты прямо щеголем сегодня, – заметил Сергей. – Знаешь клиентку?

– Некая Нина Ратманская. Возглавляет благотворительный фонд «Примула». Имя мне ничего не говорит.

– Что у нее стряслось?

– Не знаю. Написала, что обсудит свое дело при встрече. Созваниваться тоже не захотела. Чрезвычайно таинственная дама.

Илюшин вынул из рук Бабкина чашку и вышел, отпивая на ходу.

«Ну и правильно, – мрачно подумал Сергей, провожая свой кофе взглядом. – Ключом щелкать не надо».

Он сделал вторую порцию покрепче, но взбодриться ему так и не удалось. Бабкин зевал, слушая болтовню Илюшина, и думал, что по закону подлости клиентка окажется вздорной дамочкой, подозревающей мужа или любовника в измене... В прошлом месяце к ним обратились две такие дурынды, и обе были глубоко оскорблены отказом Илюшина.

Сейчас придет третья. Макар ее спровадит, и тогда Бабкин сможет вернуться домой и нормально доспать.

Он даже приободрился. Когда ровно в девять прозвенел дверной звонок, Сергей вышел встретить клиентку в радостном предвкушении скорого отдыха.

Бежевое пальто, светлые волосы. Неяркое лицо с правильными чертами; когда она ставила на тумбочку свой потертый, местами облезлый портфель (Сергей догадался, что потертость – это имитация, а сама вещь новая и безусловно дорогая), он обратил внимание на руки: узкие, с длинными пальцами. Замшевая юбка сливочного оттенка и молочно-бежевый кашемировый свитер высветляли ее, делая похожей на моль. Она не испугалась при виде Бабкина – воз-

можно, была предупреждена, но это тоже сыграло в ее пользу.

– Здравствуйте. Мне... назначено.

Мягкий голос с отчетливой хрипотцой. Она едва доходила ему до плеча.

– Проходите, пожалуйста. Макар Андреевич вас ждет.

Каблуки негромко простучали по паркету. Ее духи были как тихий цветочный шепот.

Он зашел за ней следом в гостиную. Илюшин поднялся навстречу гостье, поздоровался. Ратманская остановилась, словно не ожидала увидеть именно его. Она почему-то молчала, и Бабкин спросил:

– Нина, хотите кофе? Чай?

Ратманская, не отрывая взгляда от Илюшина, покачала головой.

– А я бы выпил чая, – спокойно сказал Макар. – Сережа, сделай мне черный, пожалуйста.

– Тогда и мне, – согласилась Ратманская. – Тоже черный, без сахара, спасибо большое...

При звуках ее голоса Макар нахмурился, взгляд его скользнул в сторону, будто Илюшин пытался что-то вспомнить. Он вздрогнул и уставился на Ратманскую с недоверчивым изумлением.

Бабкин твердо знал, что рано или поздно его напарника придут убивать. Он не видел, что у женщины в руках, поэтому быстро шагнул вперед, чтобы оказаться на линии огня

между ней и Макаром.

Оружия у Нины не было. Она стояла неподвижно, словно решая, остаться или уйти.

Бабкин обернулся к Илюшину. Все с тем же ошеломленным выражением лица Макар обогнул стол, не отрывая взгляда от Ратманской.

– Не думала, что это случится так быстро, – неловко усмехнувшись, сказала Нина. – Отец был прав. У вас феноменальное чутье.

Илюшин обошел ее кругом, рассматривая, как скульптуру.

– Отличная работа, – выговорил он наконец. – Если бы не голос, я бы вас никогда не опознал.

– Мне предлагали операцию на голосовых связках. Я отказалась.

– Имя вы тоже оставили.

– Мама очень его любила. – Она развела руками, будто извиняясь.

– Так, что здесь происходит? – вмешался Бабкин. – Встреча старых друзей?

Нина отрицательно покачала головой:

– Мы никогда не виделись. Я даже не понимаю, как Макару Андреевичу удалось по нескольким словам...

– Ваши домашние видеозаписи, – сухо отозвался Илюшин, возвращаясь за стол. – Я изучал их довольно пристально.

Нина наконец села на предложенный стул. Они с Илюшиным смотрели друг на друга: он – хмуро, она – виновато.

– Чай потерял актуальность, – пробормотал Сергей и с нажимом добавил: – Может, *кто-нибудь* объяснит мне, в чем дело?

Илюшин сцепил пальцы на затылке, не сводя глаз с Ратманской, и покачался в кресле.

– Познакомься, Сережа. Перед тобой Нина Забелина.

Бабкин не помнил среди клиентов никого с таким именем и не понимал, почему он должен знать Нину Забелину. Он уже собирался вывести Илюшина из комнаты и спросить, какого черта тот задает ему загадки... Как вдруг осознал, о чем говорит Макар.

– Нина Забелина? – переспросил он с чувством, близким к ужасу.

«Забелина погибла», – едва не вырвалось у него.

Нина исчезла в две тысячи девятом. Тридцать пять лет; счастливый брак; двое мальчиков-близнецов. По утрам Забелина отводила малышей в детский сад и ехала на маршрутке до работы. Вечером забирала их.

Пятнадцатого октября она, как всегда, отвела детей в группу, дождалась маршрутного такси и вышла на своей остановке. Водитель уверенно опознал ее по фотографии.

До офиса, от которого ее отделяло триста метров, Нина не добралась. Она вошла в сквер, заросший старыми липами, и

исчезла бесследно.

К Илюшину обратился следователь, который вел дело. Они с Макаром были давно знакомы, и он попросил сыщика о консультации. Илюшин начал изучать обстоятельства исчезновения Забелиной – и неожиданно даже для себя завяз в расследовании. Дело, которое они вели вдвоем с Бабкиным, Сергей заканчивал сам. Макар позабыл обо всем, пытаясь раскрыть тайну исчезновения Нины Забелиной.

Он работал безвозмездно, на одном только жадном интересе. Семья пропавшей была небогата – им нечем было заплатить частному детективу.

Два месяца подряд Илюшин засыпал с мыслью о Нине Забелиной и просыпался с мыслью о ней же.

Он изучил каждый метр ее маршрута. Опросил всех свидетелей. Определил точку, в которой Забелину видели последний раз: за двадцать метров до выхода из сквера.

Было достоверно установлено, что в офисное здание она не входила. Здание и сквер разделяла неширокая тихая дорога. Камера на подъезде захватывала и вход, и дорогу почти целиком – вне зоны видимости оставалась лишь обочина. Ни одна машина не притормозила возле сквера, когда Нина шла между пожелтевшими липами.

Нина Забелина жила обычной, ничем не примечательной жизнью. Работала судебным юристом, растила детей. Сначала заподозрили, что ее исчезновение связано с профессиональной деятельностью. Но, изучив дела, которые она вела,

отказались от этой версии. Это были типичные гражданские тяжбы из тех, что длятся годами.

Нина вышла замуж за Юрия Забелина, когда ей было двадцать. Родила в две тысячи пятом после нескольких процедур экстракорпорального оплодотворения, в тридцать один год. Ее муж не пил и не бил жену. Соседи дружно говорили, что никогда не слышали ссор между ними. С хозяйством Нине помогала мать Юрия, живущая этажом выше. И у нее, и у ее сына было неопровержимое алиби.

В центре сквера была разбита большая клумба. В тот день сотрудники коммунальных служб готовили ее к зиме. Илюшин встретился со старшим смены. Тот помнил женщину в длинном синем плаще, которая прошла мимо них. Нет, ее никто не сопровождал. Нет, она ни с кем не заговаривала. Куда она скрылась, он не видел: ему нужно было приглядывать за рабочими.

У следствия осталась одна версия: по какой-то причине, не дойдя до конца своего маршрута, Нина свернула в сторону и вышла к дороге в другом месте. Правда, служебная собака не взяла след, а свидетели утверждали, что не видели людей в дальней части сквера. Но другого объяснения попросту не существовало.

Зачем Нина свернула? К кому она могла сесть в машину, если у нее не было любовника? Алиби мужа подтверждалось пятью свидетелями.

В течение года Илюшин выезжал на все неопознанные

женские трупы. Безрезультатно.

Нина Забелина так и не была найдена.

Сергей не принимал участия в этом деле, но Макар обсуждал с ним процесс поиска. Впрочем, обсуждать было почти нечего, – расследование едва тлело, как чахлый костерок, в который не подбрасывают поленьев. «Может, она сбежала?» – предполагал Илюшин. «Без денег, одежды и банковской карты? – спрашивал Сергей. – Ты установил все ее перемещения за последние полгода. Она курсировала между домом, работой и детским садом. По выходным гуляла в парке с семьей. Все ее мизерные накопления так и лежат на счете в банке. Карта больше нигде не засветилась. У нее не было ни причин, ни возможностей для побега».

Сам он не сомневался, что Забелина мертва. Кто бы ни убил ее, этому человеку удалось спрятать тело так, что даже Макару оказалось не под силу найти следы. Да, скорее всего, она свернула с дорожки и вышла на проезжую часть. Может быть, выбежала за котенком или собакой. Ее сбила машина. Водитель положил тело в багажник, не попавшись на глаза свидетелям, вывез его и закопал. Отключенный телефон выкинул в канализационный люк. За много лет службы Бабкин убедился, что такие вещи происходят чаще, чем думают. Бывает, останки находят много лет спустя, когда сносят старый дом или вскапывают землю в саду...

Ему пришлось напрячь память, но он все-таки сумел вспомнить фотографию пропавшей. Маленькая, пухлая,

темноволосая. Ничего общего с Ратманской, кроме роста.

– Я вас помню. – Нина обращалась к Макару. – Вы меня искали... долго. Гришковец из-за вас очень беспокоился. У вас не было шансов меня найти, но он все равно дергался.

Бабкин придвинул стул и сел, избегая смотреть на напарника. Перед Илюшиным находилось живое свидетельство поражения, олицетворенная насмешка над его долгими мучительными поисками. Одна или с чьей-то помощью, но Забелина заставила его поверить, как и всех остальных, что она мертва.

«Ну давай, узнай, что это за Гришковец!»

– Гришковец – писатель? – спросил Макар.

– Простите?.. А! Нет! – Нина с облегчением улыбнулась, и Бабкину стало ясно, что она, как и он сам, боялась реакции Илюшина. – Начальник службы безопасности, Петр Гришковец. Он работал на моего отца. До сих пор работает. Послушайте, Макар Андреевич! Я пришла к вам, потому что только вы можете помочь...

– Нет. – Илюшин покачал головой. – Сначала вы расскажете, что произошло десять лет назад.

– Но это срочное дело, здесь нельзя медлить!

Илюшин рассмеялся. Ратманская, прикусив губу, умоляюще взглянула на Бабкина. Сергей пожал плечами.

Нина помолчала, то ли собираясь с духом, то ли взвешивая, рассказывать ли правду. Бабкин запоздало сообразил,

что она им солгала. Конечно, она рассчитывала, что Илюшин ее не узнает.

– Можно мне все-таки чаю? – наконец решилась Нина.

Когда Сергей поставил перед ней поднос, она заговорила, не прикасаясь к чашке:

– В тот день все шло как обычно. Я отвела Леню и Егора в садик...

15 октября 2009 года

Пока она вела Леню и Егора в садик, они верещали как сороки. Нина устало подумала, что ей необходимы специальные наушники, которые блокировали бы звуки детских голосов. И руки. Искусственные руки, которые пристегивались бы к плечам. Пусть дети дергают за них. И ноют: «Мааам, ну маа-ам!» А она ничего не будет слышать и чувствовать.

Господи, как было бы хорошо ничего не слышать и не чувствовать! В последний год Нина каждое утро просыпалась уже уставшей, будто и ночью читала бесконечные претензии и судебные иски.

В раздевалке Нина поговорила с воспитательницей. Вернее, говорила воспитательница, а Нина кивала и вставляла «Да, разумеется» или «Конечно, это очевидно». Дело было в том, что Егор требовал сменить рисунок на его шкафчике. Вместо солнышка он хотел кита. Воспитательница делилась своими соображениями, она пыталась включить Нину в процесс выбора: потакать ли желаниям ребенка или счесть их

капризом? Ведь другие дети из группы тоже могут захотеть сменить рисунок...

Воспитательница была хорошая и добрая. Нина смотрела, как шевелятся ее губы, и не верила, что все это происходит всерьез. Кит или солнышко? Солнышко или кит? Она давно должна была сказать, что спешит на работу, но стеснялась оборвать воспитательницу на полуслове. Другие мамы вовлечены в проблемы своих детей, а она глуха к потребностям родного сына. «Повесьте ему на шкафчик говорящую задницу!» – чуть не вырвалось у нее. К счастью, в этот момент Егор толкнул кого-то в группе, и воспитательница поспешила утешать ревущего ребенка.

В маршрутке у водителя звучало «Белые обои, черная посуда, нас в хрущевке двое...» Нина про себя сказала певцу, что их в хрущевке четверо, а теперь попробуй-ка это зарифмуй. Не бог весть какая шутка, но она не смогла удержаться от смеха. Женщина, стоявшая рядом, покосилась на нее и отодвинулась. «Лучше так, чем наоборот», – подумала Нина. Она все чаще чувствовала себя призраком, который не виден живым. Ее толкали, наступали на ноги и недоуменно тарасили пустые глаза, когда она возмущалась.

За чужой грубостью стояла какая-то высшая правда. Она и сама чувствовала себя прозрачной, истончившейся. Оторванное щупальце больной медузы. Опуститься бы на дно и лежать на песке, медленно растворяясь...

Везде были люди. Муж, дети, клиенты, сотрудники... Ку-

да бы она ни приходила, повсюду ее оглушал шум голосов, душили чужие запахи.

Нина любила свое дело. Конечно, в судах случалось всякое, но ей нравилось разбираться в нормативной базе и судебной практике, продумывать и выстраивать линию защиты; нравилась собственная уверенность, когда она успевала хорошо подготовиться.

Но иногда происходило странное. Однажды, входя в зал суда, Нина с ужасом поняла, что не имеет ни малейшего представления, какое дело будет слушаться. Ее бросило в холодный пот. Она испуганно взглянула на истца – аккуратного пожилого человечка. Его лицо было ей знакомо... Но кто он? О чем они говорили?

Нина чуть не выбежала в коридор. В последний момент беспмятство растаяло, будто сжалившись над ней. «Художник Лев Кудряшов, дело по защите авторских прав. А те двое – представители молокозавода, который использовал его рисунок как эмблему».

Выйдя из маршрутки, Нина издалека заметила рабочих возле клумбы и поморщилась.

Залитый утренний солнцем сквер был единственным местом, где она могла побыть одна. Нина специально выходила из дома пораньше, чтобы здесь задержаться.

Тихо. Никого нет. Летом пели птицы. Осенью дрозды сновали в листьях, шуршали, как мыши. Здесь бесконечный

дурной круговорот ее жизни ставился на паузу. Перерыв. Восемь минут каждое утро, кроме выходных.

Она медленно шла, вдыхая сладковатый аромат умирающей осени. Мелкие капли поблескивали на опавших листьях, словно медвяная падь. Изредка встреченные люди – лишь тени, пассажиры поезда в прекрасном мультфильме Миядзаки; Нина специально не смотрела в их сторону, чтобы ненароком не наполнить жизнью.

Она здесь одна. Целых восемь минут.

Проходя мимо рабочих, возившихся в земле, Нина отвернулась. Этим не получится развоплотить силой мысли. Их яркие жилеты перекрикивали листву. Кто-то дернул ее за руку, как назойливый нищий. Нина с негодованием обернулась и увидела прямо перед собой здорового рабочего. Второй уже теснил ее к фургону, третий распахивал дверь. От неожиданности Нина оторопела. Человек, который быстро шел к ним от клумбы, показался ей знакомым. При виде его лица она будто очнулась от дурного сна.

– Отпустите меня! Что вы делаете?

Она пыталась позвать на помощь, но не успела. Ее втащили в фургон, зажав рот. После яркого дневного света Нина ничего не могла разглядеть в темноте, но уловила в глубине какое-то копошение.

– Ну, можно уже? – спросил неприятный женский голос. Из-за спины у Нины сказали успокаивающе:

– Можно.

Нина поняла, что с ней собираются делать что-то ужасное. Она рванулась, забилась, как рыба в сети, и ударилась затылком о чужое лицо. Что-то хрустнуло, раздался глухой вскрик. Ее выпустили. Нина заметалась по фургону, оттолкнула женщину, и та вылетела наружу.

– Нина Максимовна, да успокойтесь вы!

Отчего-то тот факт, что эти люди знают, кто она такая, лишил ее последних остатков самообладания. Без единого звука она бросилась на человека, закрывавшего выход, и боднула его головой в живот. Ее с силой толкнули обратно. Нина пролетела через весь фургон, ударилась виском обо что-то твердое и потеряла сознание.

Она пришла в себя в комнате, залитой белым светом. Из этого света сгустилось розовое пятно и приблизилось к ней, превращаясь в человеческое лицо; когда оно оказалось совсем рядом, Нина разглядела, что это женщина в круглых очках, с родинкой над губой. Она с содроганием приготовилась услышать тот же отвратительный голос, что и в фургоне, но женщина заговорила тихо и ласково:

– Нина Максимовна, не делайте резких движений. Я сейчас принесу вам попить...

Она сразу ощутила, как сухо во рту. Казалось, язык потрескался от жажды.

Вернувшись, женщина сказала, улыбаясь:

– Я вас немного приподниму, не пугайтесь...

Раздалось тихое жужжание, и голову Нины плавно вытолкнуло вверх. Женщина поднесла чашку к ее губам. Вода была на вкус как горное облако. Нина пила и пила, пока не закашлялась.

Она чувствовала себя такой слабой, будто из нее выкачали всю кровь. При попытке сконцентрировать взгляд на деревьях за окном у нее закружилась голова.

На женщине был светло-зеленый костюм – штаны и просторная рубаха. Нина видела похожие на медсестрах.

– Я в больнице?

– Не волнуйтесь, вы под медицинским наблюдением. Вам нужно еще поспать...

Нина послушно закрыла глаза. Она чувствовала, что от ее собственного тела пахнет чистотой. И эта комната была такая чистая, светлая, спокойная... По краю сознания скользнула мысль: «Если это больница, где же Юра?», и она провалилась в сон.

Когда Нина снова проснулась, вокруг были люди. Девушка с длинной черной косой, струившейся по спине, вытирала пыль с огромного агрегата, выглядевшего так, как если бы осьминога трансформировали в механизм. Почувствовав на себе взгляд, она обернулась и застенчиво улыбнулась. Зеленая женщина сидела возле кровати, а чуть поодаль дремал в кресле под клетчатым пледом старик.

– С добрым утром, Нина Максимовна, – мягко сказала

женщина. – Как вы себя чувствуете? Голова не болит?

– Кажется, нет.

– Предметы не раздваиваются? Тошнота не беспокоит?

– Нет... Только слабость. Даже руку тяжело поднять.

– Боюсь, в ближайшую неделю этого не избежать. – Женщина померила ей давление. – Кстати, меня зовут Анна.

– Что со мной случилось?

– Вы упали и неудачно ударились. Не пугайтесь – ничего не сломано, у вас просто сильный ушиб мозга. Но двое суток вы периодически теряли сознание, мы очень волновались за вас.

– Двое суток? – ошеломленно повторила Нина.

– Совсем ничего не помните? Вы приходили в себя, разговаривали с нами.

Нина покачала головой.

– Вам сделали компьютерную томографию, а через пару дней нужно будет пройти МРТ.

– Томографию? – Нине хотелось переспрашивать каждое слово.

– Мы должны были убедиться, что все в порядке. У вас индивидуальная реакция на ушиб. Такое бывает, но за месяц все симптомы, как правило, проходят бесследно. Мы будем за вами наблюдать. – Она ободряюще похлопала Нину по плечу. – Сейчас попробуем вас покормить...

«Да кто такие эти мы?» – хотела спросить Нина. Но перед ней появился поднос с тарелкой золотистого куриного

бульона, в котором плавали половинки перепелиных яиц, и она набросилась на еду.

– Осторожно, не торопитесь...

– Где Юра? – спросила Нина, отставив в сторону пустую тарелку. – Что со мной случилось? Я помню, как меня затолкали в какой-то фургон... Этих людей арестовали?

– Боюсь, произошла ошибка...

– Я не понимаю!

– Я объясню позже, вам пока нельзя напрягаться...

– Анна Васильевна, позвольте, теперь я сам.

Старик, про которого Нина успела забыть, с трудом поднялся из кресла и подошел к ее кровати. Женщина замолчала и отступила на шаг назад.

Нина озадаченно уставилась на него. По реакции Анны ей стало понятно, что старик здесь главный. Однако на врача он не походил.

– Если почувствуешь, что устала, сразу скажи. – Старик не сводил с нее взгляда. – Хочешь попить?

– Нет.

Нина не испытывала страха, только любопытство. По отсутствию характерных запахов и звуков она уже догадалась, что это не больница, но и это открытие не испугало ее.

– Где я?

– В моем доме. Меня зовут Константин Михайлович Ратманский. – Он придвинул стул и сел. – Я, Нина, твой отец.

– Моего отца зовут Максим Курчатов, – помолчав, сказала

Нина. – Он умер, когда мне был год.

– Я – твой отец, – повторил Ратманский.

– Маме было двадцать пять лет, когда они встретились, – сказала Нина, переводя взгляд с Сергея Бабкина на Макара. – По словам Ратманского, у них был короткий двухмесячный роман. Мама забеременела. Она просто хотела ребенка. А он – не хотел. В общем-то, его можно понять... Константин объявил маме, что готов помогать деньгами, но быть отцом – увольте! Ну а мама по гордости сказала, что его деньги ей не нужны. Наверное, она рассчитывала, что он обрадуется известию о ребенке. Хотя всего два месяца встреч... – Нина вздохнула. – Мама всю жизнь витала в облаках. Выдумала для меня какого-то Максима Курчатова, сочинила ему героическую биографию... Ну, это не важно. Ратманский исчез с ее горизонта. Благополучно женился несколько лет спустя, у него родились сын и дочь. В пятьдесят девять лет ему поставили диагноз: лимфома. Требовалась пересадка костного мозга. Он обратился к детям, но они отказались в этом участвовать.

– Его дети не захотели быть донорами? – удивился Бабкин.

– Испугались боли. Сказали, что отцу лучше обратиться в фонды, к донорам. Он так и поступил. Но дело в том, что при донорстве необходима так называемая тканевая совместимость, и подходящего человека попросту не нашлось.

– Нужные клетки можно получить из крови, – сказал Илюшин. – Для этого не придется сверлить кость. Это безболезненная процедура.

Нина едва заметно усмехнулась:

– Теперь я это знаю. Я прошла через эту процедуру. Но сначала донору вводят специальный препарат, который способствует выходу стволовых клеток из костей в кровь... У него есть побочные эффекты. Алик и Алла их очень боялись.

«Решили, что папаша зажился на свете», – мысленно прокомментировал Бабкин.

– Врачи сказали отцу, что без пересадки он умрет. И тогда он вспомнил про меня.

«Как удобно, когда есть запасной ребенок».

– Отец понятия не имел, где я и что со мной, – продолжала Нина. – Он вызвал своего начальника службы безопасности и велел найти меня и доставить к нему. Объяснять ничего не стал. Папа вообще редко снисходит до объяснений. «Вот вам задача – выполняйте!» А нужно знать Гришкова... Всю жизнь при моем отце, предан ему как собака. Но это не самый сообразительный пес. Если бы Пете приказали загнать овец в загон, он бы задушил их всех до единой, а потом затащил туши внутрь, – потому что иначе овцы могут разбежаться, понимаете? Ему удалось найти меня. Первый раз я увидела его восьмого октября. Я вышла из офиса, и дорогу мне преградил незнакомый человек. Обратился ко мне по имени, сказал, что должен со мной кое-что обсудить. «Вон

машина, садитесь...» Я ужасно испугалась! У Пети лицо как у мертвеца, неподвижное и страшное. Я решила, что это кто-то из наших несостоявшихся клиентов, которому отказали в юридическом сопровождении. Вы не представляете, сколько к нам приходило бе- зумцев! Естественно, я даже слушать его не стала! На следующий день он снова маячил перед дверью. Я пригрозила, что позову охрану, и он исчез.

Бабкин с Илюшиным переглянулись. Оба подумали об одном: Гришковец оказался достаточно умен, чтобы не оставлять телефонного следа, и достаточно глуп, чтобы не сообщить, как отреагирует на него незнакомая женщина.

– Я собиралась тем же вечером рассказать мужу об этих встречах...

– Почему не рассказали?

– Юре было не до того. Он попросил, чтобы я не парила ему мозги и дала отдохнуть в тишине после работы. Ну, с Леней и Егором эта тишина была довольно условной... – Нина усмехнулась. – Но когда мужу неприятен сам звук твоего голоса, очень трудно ему что-то объяснить. Я замолчала. Потом просто забыла об этом – голова была занята другим. А Гришковец принялся решать проблему собственными ему методами. Он ведь не мог подвести хозяина!

Она отпила остывший чай.

– Утром пятнадцатого октября люди Гришковца ковырялись в клумбе, мимо которой я ходила на работу, и делали вид, что выкапывают растения.

Илюшин подался вперед, глаза у него заблестели.

– Одну секунду!

– Вся бригада «озеленителей» была фальшивая, – сказала

Нина.

– Я встречался с человеком, который...

– ...которому заплатили, – перебила она. – За те деньги, что дали бригадиру, он бы вам Гамлета изобразил. Никаких плановых работ в сквере в тот день не проводилось.

Илюшин изменился в лице, и Нина заторопилась:

– Послушайте, это не ваша вина! Это все Гришковец. Он предусмотрел, что к рабочим могут возникнуть ненужные вопросы, и выпустил моего клона: женщину похожего телосложения, в таком же синем плаще.

– Вы хотите сказать, свидетели опознали по фотографии не вас? – вступил Бабкин, пораженный масштабом операции.

Нина улыбнулась:

– Люди редко смотрят на посторонних внимательно. Свидетелям показали кого-то, похожего на меня, и они радостно согласились, что это я и есть. Я бы никогда не назвала Петю Гришкова умным человеком, но кое-что он понимает очень хорошо.

Илюшин не сел, а рухнул в кресло. Десять лет назад против него играл не случайный водитель, совершивший убийство по неосторожности, а команда профессионалов. Может, начальник службы безопасности Ратманского и был дуболо-

мом, но похищение Забелиной он выполнил блестяще.

– Петя рассчитывал привезти меня к Ратманскому и выпустить, а там пусть отец сам со мной разбирается. Но в фургоне кто-то оставил сумку с инструментами. Я ударилась головой и потеряла сознание. Что было делать Гришковцу? Он решил следовать первоначальному плану. Отвез меня к отцу и сдал тому на руки.

Бабкин переварил услышанное и обратился к Нине:

– Ваш отец до сих пор держит при себе этого... – Он проглотил «кретина». – ...Гришковца?

– Мой отец ценит верность больше любых других качеств, – отчеканила Нина. – Как я уже сказала, Петр ему абсолютно предан.

– Что было дальше? – спросил Макар.

– В одной из комнат отцовского дома для меня оборудовали палату. При мне круглосуточно находились врач и медсестра. Я пришла в себя двое суток спустя, и отец рассказал мне, что произошло.

Октябрь 2009, дом Ратманского

– Я понимаю, как это выглядит, – сказал Ратманский. От него исходил едва уловимый аромат одеколona с вербеной и въевшийся запах крепких сигар. И стариком, как показалось Нине сначала, он не был – просто немолодой человек, изнуренный болезнью. – Ты не знала меня все эти годы, а теперь обращаюсь с такой просьбой... Не говоря уже о том, как

ты сюда попала... – У него заметно дернулся глаз. – Прости, пожалуйста, я никак не мог подумать, что мой помощник выкинет такой фортель. Я хотел лишь поговорить с тобой. Мне очень жаль, что так вышло. Ты можешь уйти в любую секунду. Твои вещи в шкафу, мой водитель отвезет тебя куда скажешь. Всего этого не должно было произойти...

Нина не поняла, к чему относились последние слова: к его отцовству или к ее похищению. Она впилась в него взглядом, пытаясь найти хоть какое-то сходство с собой.

Пепельно-серое лицо с ввалившимися щеками. Запавшие глаза. Лоб в бугристую складку. Как будто Ратманский понемногу съеживался внутри собственного тела. Скоро оно станет ему велико, как скафандр ребенку.

– Ты похожа на мать, – сказал Ратманский. – Я знаю, она умерла.

Если бы он добавил «Соболезную» или как-то иначе выразил формальное участие, Нина уехала бы. Но Ратманский молчал.

Он был в брюках, белой рубашке и синем твидовом пиджаке; на лацкане поблескивал значок Осоавиахима, и Нина не могла отвести глаз от этого значка – странного анахронизма, как будто не из этой реальности.

Ратманский присел на край кровати и положил руку на одеяло. Даже сквозь ткань Нина чувствовала, какая холодная у него ладонь.

– А если я не подойду? – услышала она собственный го-

лос.

– Ты подойдешь.

Нина не стала уточнять, откуда ему это известно. Она понимала, что Ратманский мог проделать все необходимые манипуляции с ее телом, в чем бы они ни заключались, пока она оставалась без сознания. Имея собственных врачей, медицинскую аппаратуру... Это не составило бы труда.

Однако Ратманский на это не пошел. Он дождался, пока Нина проснется, и затем изложил все как есть. Что-то подсказывало Нине: он не станет ни о чем ее умолять, хотя речь идет о его последнем шансе.

– Тебе не обязательно принимать сейчас какое-то решение, – сказал Ратманский. – Отдохни. Погуляй в саду. Там есть пара занятных птиц... Веселые дураки. Может, тебе понравится. А пока поспи.

– Подождите! – Нина привстала. – А что с моей семьей?

– С твоей семьей? – недоуменно переспросил Ратманский.

– Да, где они?

– Наверное, там, где должны быть. Дома. Что ты имеешь в виду?

– Вы что, не связались с ними?!

Нина, обессилев, опустилась на подушку. Конечно, Юре никто не позвонил. Как она себе это представляла? «Здравствуйте, мы похитили вашу жену, она пока без сознания, мы вернем ее вам через несколько дней»? Но глядя на недоумевающее лицо Ратманского, она отчетливо поняла кое-что

еще. О ее семье никто и не задумался. Ее мужа и детей не существовало даже на периферии размышлений Ратманского и его помощника.

– Дайте мне телефон! – Она попыталась повысить голос.
– Они же там с ума сходят...

– Телефон тебе принесут, – сказал Ратманский. – У меня только один совет: не звони прямо сейчас. Сначала отдохни.

– Почему? – враждебно глядя на него, спросила Нина.

– Тебе нельзя волноваться. Врач сказал: полное спокойствие в течение хотя бы двух дней. Я и так нарушил его запрет, но скрывать, что с тобой произошло и по чьей вине, мне показалось безнравственным...

– А что мой муж сходит с ума два дня – это нравственно?

– Сначала поспи, – повторил Ратманский. – Телефон принесут через минуту, он останется у тебя. Ты можешь звонить кому хочешь.

Он вышел, и Нина осталась одна. Врач исчезла в начале их разговора. Вскоре в палату скользнула девушка с косой и осторожно положила сотовый на стул рядом с кроватью. Это был чужой телефон. О судьбе своего Нина даже не спрашивала.

Конечно, она должна была позвонить сразу. Но в палате было так тихо... Просто полежать в тишине, поспать без того, чтобы на ухо кричали, тормошили ее, требовали поесть, попить или отобрать игрушку у брата...

Нина не заметила, как уснула.

Проснувшись, она первым делом посмотрела на стул. Телефон был на месте. Ей принесли сладкий чай и тарталетки с паштетом, после которых Нина почувствовала, что наконец-то проголодалась всерьез.

– Я бы советовала вам сначала прогуляться, – сказала Анна.

Нина спустила босые ноги на пол, встала, но пошатнулась.

– Мы это предвидели. – Голос Анны звучал почти весело.
– Не переживайте, это временно.

Нину посадили в инвалидное кресло, и та же молчаливая девушка с черной косой неторопливо выкатила ее из комнаты.

Она везла кресло по длинным широким коридорам, обитым деревянными панелями, над которыми висели картины – пейзажи, натюрморты. Нина крутила головой, чувствуя себя ребенком в сказочном замке. На лифте они спустились на первый этаж, никого не встретив по дороге. В конце очередного коридора стеклянные двери раздвинулись, и Нина ахнула.

Это была оранжерея. Вот о чем говорил Ратманский, приглашая ее прогуляться по саду! Вокруг цвели апельсиновые деревья, воздух был напоен их прозрачным сладким ароматом. Нину привезли к небольшому бассейну, выложенному мозаикой с золотыми рыбками. Настоящие рыбки лениво плавали над своими мозаичными собратьями, распуская янтарные хвосты.

– Оставить вас одну? – Девушка впервые заговорила с ней.
– Да, пожалуйста...
– Вот здесь кнопка. Как только я понадобится, просто нажмите.

Она улыбнулась и ушла.

Где-то журчал невидимый фонтан. Нину окутало смолистым запахом, как в сосновом лесу или среди можжевельника, нагретого солнцем. Она огляделась и заметила кусты рододендрона, а за ними стелющийся по земле вереск. Ее охватило безмятежное спокойствие. Полгода назад она заикнулась было о том, что хотела бы съездить в отпуск одна. Юра не разговаривал с ней после этого целую неделю. Он никогда не повышал на нее голос: просто замолкал. На его языке это называлось «включить воспитательный игнор». Нина, для которой это наказание было мучительнее любого другого, один раз дошла до того, что в отчаянии пожаловалась его матери. «А ты его не доводи, он и не будет так себя вести, – ответила Тамара. – Со мной ни разу не молчал».

Если бы Нине удалось уехать, как мечтала, она именно так и провела бы свой отпуск. Сидела бы у воды. Ни о чем бы не думала.

Из кустов выпорхнул ярко-красный попугай с желто-синими крыльями и опустился на бортик бассейна.

– Ой! – Нина восхищенно уставилась на него. – Здравствуй!

Попугай что-то приветственно прохрипел и улетел. Нина

проводила его взглядом.

Телефон лежит в кармашке ее кресла. Можно позвонить прямо сейчас.

Стоит ей набрать номер Юры, и все закончится. Ее выдернут из тишины и сунут на привычное место. Приготовить завтрак, собрать детей, отвести детей, весь день бегать по судам, забрать детей, уложить детей... Интересно, как Юра справлялся с мальчишками эти два дня? Конечно, мама помогала.

Если бы можно было позвонить и вернуться завтра утром! Только один день провести среди деревьев, в тепле и тишине...

Нина задремала в кресле под журчание невидимого фонтана. А когда очнулась, неподалеку от нее на скамье сидел Ратманский.

– Я так и думал, что тебе здесь понравится.

– Здесь чудесно, – искренне сказала Нина. – Чем вы занимаетесь... э-э-э... Константин Михайлович?

Ратманский усмехнулся и, точно воспроизведя интонации Аль Пачино из «Адвоката дьявола», произнес:

– Зови меня папой.

Нина ахнула от неожиданности и расхохоталась. Шутка была на грани фола, но сыграна талантливо.

Ратманский улыбнулся, радуясь, что она оценила цитату.

– Люблю этот фильм, – признался он. – «Смотри – но не смей трогать! Трогай – но не пробуй на вкус!»

– «Умей из всего извлечь пользу, а потом забыть», – отзывалась Нина.

– «А как же любовь?» – спросил Ратманский.

– «Ее слишком переоценили. Биохимически это как съесть большое количество шоколада».

– «Старт был неплох. Но ни у кого не получалось выигрывать всю жизнь».

Нина открыла рот, но осеклась.

– Прозвучало слишком лично? – усмехнулся Ратманский.

– Поверь, я этого не планировал. Хочешь, пообедаем здесь?

Он кому-то позвонил, и, как по мановению волшебной палочки, возник стол с закусками. «Настенька в гостях у чудовища», – подумала Нина.

Ратманский оказался прекрасным собеседником. Нине нравился его суховатый желчный юмор и полное отсутствие жалости к себе. Он был тяжело болен, однако шнуровал домашние туфли, застегивал пуговицы на своей отглаженной сорочке, надевал пиджак... Облекал себя в доспехи, позволяющие сохранять достоинство.

Тема донорства ни разу не всплыла в их беседе. Он всего лишь развлекал ее, как хороший хозяин развлекает гостя. После обеда, спросив у Нины разрешения, Ратманский вытащил из кармана сигару и с видимым наслаждением закурил.

– У вас замечательный дом, – сказала Нина, умолчав о том, что видела только коридоры и лифт.

– Между прочим, он построен на месте усадьбы, где оби-

тал призрак старой дамы. Мне рассказывали о ней люди, которым я склонен доверять. Она появлялась среди руин и просила принести ей фиалок. Но в новое жилище эта дама переезжать не пожелала.

– Может быть, она просто стесняется вам показаться? А потом со свойственной старухам болтливостью как начнет выкладывать свои секреты, накопленные за долгую жизнь, – и не отвяжетесь...

– Ты знаешь, Нина, Анатолий Александров, президент Академии наук СССР, рассказывал: «В тысяча девятьсот шестнадцатом году мои сестры увлеклись спиритизмом. В смутное время всегда возникают такие увлечения. Мой отец, обращаясь к ним, сказал: «Я еще могу поверить, что вы можете вызвать дух Льва Толстого или Антона Чехова. Но чтобы они с вами, дурами, по два часа разговаривали – я в это никогда не поверю!»»

Нина засмеялась и встала, с радостью ощутив, что голова больше не кружится.

– Пойдемте, Константин Михайлович. Расскажите мне, как нужно подготовиться к сдаче костного мозга.

– Я собиралась позвонить домой на следующее утро. Переночевать у Ратманского, а потом вернуться. – Нина обвела взглядом молчащих сыщиков. – Но кое-чего я не учла. Юра обязательно спросил бы, почему я не позвонила раньше. Где я была? Два дня лежала без сознания – а третий день? Про-

хлаждалась под сенью апельсиновых деревьев? Я не смогла бы этого объяснить. И осталась еще на один день. Потом еще на один. И чем дальше, тем невозможнее становилось набрать Юрин номер и рассказать, что произошло. Я хотела! – с силой сказала Нина. – Но стоило представить, что ждет меня по возвращении... Даже через две недели я говорила себе, что вот-вот соберусь с духом и позвоню. Но к этому времени у меня уже не осталось никаких оправданий. Мой муж бросил бы меня, как только я призналась бы, что неделю провела со своим отцом, а не лежала в отключке...

– А дети? – недоверчиво спросил Бабкин. – Черт с ним, с мужем! Но у вас же двое детей!

Нина помедлила, задумчиво глядя на него.

– Понимаете, – сказала она наконец, – я по ним совсем не скучала. Когда мы жили вместе, я заботилась о них. Читала им. Делала все, что положено хорошей матери. Но четыре года подряд я ни на один день не могла от них отойти! В конце концов мне хотелось только открутить время на семь лет назад, когда мой муж первый раз заговорил о том, что семья без детей – неполноценная и что я должна что-нибудь предпринять, чтобы у нас появился ребенок. Открутить назад и сказать ему, что я лучше буду жить одна с десятью кошками, чем пройду через три ЭКО.

Нина перевела дух.

– Значит, вы сбежали от своих детей, – протянул Бабкин, подумав, что десять лет назад Макар почти угадал.

– Я сбежала от своей жизни, – поправила Нина.

Ратманская поначалу вызвала у Сергея симпатию уже тем, что не походила на своих предполагаемых предшественниц – тех женщин, что требовали от Илюшина раздобыть доказательства измены. Но теперь он не ощущал ничего, кроме безразличия. Кашемировая мошь бросила детей. Променила семью на богатую жизнь в доме олигархического папаша.

Зато Илюшин прямо-таки светился неподдельным любопытством.

– И вы остались с отцом? – спросил он.

– Я к нему ужасно привязалась. – Ее лицо осветилось застенчивой улыбкой. Бабкин невольно отметил, что при упоминании детей она не улыбнулась ни разу. – С ним интересно каждую минуту. У меня появился кто-то родной. Кто-то, кто обо мне заботился. Смеялся над моими шутками. Слушал мои рассказы про случаи из практики. Впервые после смерти мамы... Я не думала, что такое возможно.

– И, конечно, деньги, – понимающе кивнул Макар.

– Разумеется. Столько денег, что они превратились в свободу, – просто сказала она.

– А зачем вы сделали пластическую операцию?

– Несколько операций, – уточнила Нина. – Понимаете, я не хотела... – Она замялась. – Я не хотела себя прежнюю. Я мечтала стереть Нину Забелину ластиком и нарисовать на ее месте другого человека. У отца огромные возможности. Он выправил мне новые документы, и я стала Ниной Рат-

манской. Поменяла цвет волос. Похудела. Все это изменило меня до неузнаваемости.

– Почему вы хотели себя стереть? – не выдержал Сергей, игнорируя знаки, которые подавал Илюшин.

Ратманская взглянула ему в глаза.

– Я себя ненавидела, – ровно сказала она. – Кажется, я рассказала вам о себе все, что вы хотели знать. Теперь мы можем перейти к делу?

Илюшин помолчал. Затем сделал жест, означавший, что он слушает.

Нина произвольно поднесла руку к горлу. Собранный, сдержанный женщина на мгновение исчезла, в лице проглянул страх.

– Мой сын Егор пропал больше суток назад. Я хочу, чтобы вы его нашли.

Глава 2

– Куда тебя опять понесло?! – крикнула мать.

Вопрос застал Веру перед зеркалом в прихожей. Вера, полностью одетая и почти готовая к выходу – осталось только сумку собрать, – зачесывала волосы в хвост. Если сначала причесаться, а затем натянуть свитер, короткие волоски у висков и на лбу выбьются и встанут дыбом. Аккуратность и опрятность – последнее прибежище некрасивой женщины.

– Я кого спрашиваю? – повысила голос мать.

Вера не выдержала. Заглянула в комнату и отчеканила:

– На работу! Мне выходить через пять минут! Будь добра, не мешай мне собираться!

– Господи, до чего ты дошла, – с невыразимым удивлением сказала мать. – Затыкаешь рот человеку, прикованному к постели. Верочка, посмотри на себя! В кого ты превратилась! А ведь тебе еще нет и пятидесяти...

– Мама, мне сорок пять!

– Это ты хахалям своим будешь рассказывать, – устало откликнулась мать, отворачивая седую голову к окну.

– Благодаря тебе у меня нет и не может быть никаких хахалей! – взвилась Вера, снова – в который раз! – хватая наживку.

Регина медленно повернула к ней бледное утомленное лицо. Заостренный нос, высокий лоб без единой морщины,

твердо очерченные губы. Так могла бы выглядеть великая актриса на старости лет.

– Благодаря мне? – повторила мать и засмеялась. – Ты отыскала виноватого в твоей женской невостремованности? Ах ты моя умница! Ну, так далеко ходить не стоило...

– Прекрати! – беспомощно попросила Вера.

– ...Достаточно было взглянуть в зеркало! – весело продолжала мать. – Милая моя, ты похожа на старуху гораздо больше, чем я. Вот ведь парадокс, правда?

Кровь бросилась Вере в голову.

– Может, это оттого, что я за тобой ухаживаю, а не наоборот? – сквозь зубы спросила она.

– Давай, попрекни беспомощную мать своей заботой, – равнодушно отозвалась Регина. – Ты предсказуема. Кстати, нужно поменять... это...

Она выпростала из-под одеяла тонкую руку и королевским жестом указала на середину кровати.

– Это называется памперс, мама, – еле сдерживаясь, сказала Вера. – Я тебе его утром меняла! Извини, мне пора на работу!

Она вернулась в коридор и стала натягивать сапог.

– Мало того, что ты обворовываешь меня, – кротко начала мать, – что я сутками голодаю, потому что ты оставляешь меня без еды, так ты еще и пытаешься лишить меня остатков достоинства. Допустим, порядочности в тебе никогда не было. Но твоя работа лишила тебя и остатков человечности...

Вера зажала уши. Не поддаваться! Но каким-то невыносимым образом слова матери проникали в голову, словно отравленная вода.

«Продать к черту квартиру, – ожесточенно думала она, – оплатить дом престарелых, самой переехать в комнату, никогда ее не навещать, не подходить даже близко. Трупный яд в обличье родной матери. Ведьма, ведьма...»

Ее мысли прервала воцарившаяся тишина.

Вера отняла ладони, вскинула голову. Мать молчала.

– Мама? – неуверенно спросила она.

Тихо.

Вера в одном сапоге метнулась в комнату, кинулась к кровати, чтобы наткнуться на враждебный взгляд блекло-голубых глаз. Мать сжала губы в ниточку. Это означает, что теперь она будет разговаривать только с Ирочкой. Но зато уж Ирочке выложит все: и про кражу бриллиантов у несчастной старухи, и о том, как она молила о куске хлеба, а дочь смеялась ей в лицо... Ирочка, добросовестная дура, верит каждому ее слову. На все объяснения Веры она кивает, но пять минут спустя забывает начисто. Ирочка живет тремя этажами ниже. Уже завтра она восторженно разнесет по подъезду, что Вера Шурыгина... обкрадывает... на барахолке видели вещички Регины Дмитриевны... на днях шубу норковую продала и любимую Регины Дмитриевны шаль...

Шалей, разумеется, мать отродясь не носила.

Самое смешное и нелепое, что при этом Ирочка очень

тепло относится к Вере. Печет для нее пироги на невкусном жестком тесте. Подкидывает ей в карман то шоколадку, то карамельку. Глупая пятидесятилетняя Ирочка с добрым красным лицом, чистосердечно принимающая на веру все рассказы Регины Дмитриевны... Пару раз, поймав на себе брезгливые взгляды соседей («мучает мать, привязывает ее к койке»), Вера клялась себе, что завтра же прогонит эту тупую фефелу.

Прогонит – и что потом? Кого она наймет вместо нее? Безотказная Ирочка берет в два раза меньше, чем профессиональная сиделка. Ее можно попросить подменить Веру и в выходные, и в праздники. А репутация Верина уже испорчена так, что дальше некуда.

Хотя мать способна выкинуть любой фокус. С нее станется выброситься из окна и обставить напоследок все так, будто ее столкнула дочь.

– Мама, давай не будем ссориться, – устало попросила Вера. Краем глаза взглянула на часы и ужаснулась. – Я тебя переодену.

Регина прикрыла веки и застыла с мученическим видом. Какое значительное трагическое лицо! «А ведь она мелкая, недостойная женщина, – отстраненно думала Вера. – Ни одного доброго поступка за всю жизнь. Из прочитанных книг – пяток женских романов. Ни дружб, ни увлечений... Бесконечные сериальчики под пустую болтовню с Ирочкой – вот и все ее удовольствия. Ах да, еще смешивать меня с дерьмом».

Вера попятилась и вышла, затылком ощущая незрячий взгляд матери.

На улице у нее зазвонил телефон.

– Нечаева уехала в Грузию, Гузелина заболела! – надрылась начальница. Вера отодвинула трубку от уха. – Горчакова, Криворучко, Жбанов – все повисли!

Горчакова, Криворучко и Жбанов представились Вере тремя выцветшими мотыльками, повисшими на ниточках седой паутины.

Если бы не ссора с матерью, у Веры хватило бы сил отбрыкаться. Но она чувствовала себя обескровленной.

– Горчакову я возьму.

Она сдалась сразу, и начальница от изумления даже запнулась. Горчакова – «валежник»: лежащая больная в деменции. Вера про себя называла таких больных гусеницами. Старуха способна только есть и испражняться. Родственники оплатили двух круглосуточных сиделок, хотя для паллиативных больных мало и троих. Восьмидесятипятилетняя Горчакова должна находиться в психоневрологическом интернате, но все места заняты, и она лежит в узкой постели в своей квартире, бессмысленно глядя в потолок. Слава богу, глотательный рефлекс не утрачен.

– Вот спасибо тебе, Верочка, золотая ты душа...

– Матрас есть, напомниме? – перебила Вера. Противопролежневый матрас – великое изобретение. Если родственники не разорились на него, массировать и переворачивать ста-

руху придется ей.

– Есть, Вера, есть! Там до шести часов Кузнецова, а потом ее надо подменить.

– До которого часа?

– До утренней смены, – осторожно предложила начальница.

– Десять вечера – самое позднее, – непреклонно сказала Вера. Если она вернется позже полуночи, мать сожрет ее с потрохами.

– До десяти, уговорила!

Начальница согласилась подозрительно легко. Идя к парковке, Вера сообразила, что та попросту бросит старуху без ночного присмотра. С другой стороны, Горчакова лежит тихо, как пупс, а памперс можно поменять и утром... Ей уже приходилось работать с Горчаковой. «Хорошо бы тоже заболеть, – подумала Вера. – Гузелина раз в квартал уходит на неделю, как по графику». Она представила, как будет лежать в одной квартире с матерью, и засмеялась.

Телефон зазвонил снова. На экране высветилось: «Нина». Вера закусила губу и остановилась.

Сергей Бабкин взглянул на часы: начало одиннадцатого. За какой-то час Нина Ратманская похоронила не только его надежды выпасться, но и хорошее настроение.

Он понимал, отчего Илюшин согласился взяться за поиски. Макару требуется реванш. В этом Сергей его поддержи-

вал.

Но вместо того, чтобы распределить обязанности, Илюшин сообщил, что Бабкину предстоит заниматься поисками мальчика одному.

Вот тут-то Сергей и взвыл.

– А ты что будешь делать? – сердито спросил он.

– Перепроверю рассказ Забелиной.

– Ратманской, – автоматически поправил Сергей. – Что именно ты собираешься проверять?

– Я допускаю, что это не Забелина.

– Ты ее по голосу узнал в первые две секунды!

– Подделать голос не так сложно, как тебе кажется. Профессиональные актрисы способны...

Обозленный Бабкин не собирался слушать эту ересь. Махнув рукой, он ушел на кухню и в четыре приема заполнил крепчайшим кофе огромную керамическую кружку, которую Илюшин называл кастрюлей.

С раздражением шваркнув кружкой об стол, Сергей подумал, что зря теряет время. Мальчишка удрал в субботу днем, а сейчас утро понедельника. Прошло больше двух суток. «Сказать по правде, до черта», – хмуро размышлял он.

Каждый день в стране пропадает около ста пятидесяти детей. Большая часть – подростки, сбежавшие из приютов. Десяносто шесть процентов будут найдены живыми в течение трех – десяти дней.

Четверых найдут погибшими.

Двоих не найдут никогда.

Кроме полиции, к делу привлекли волонтеров. Ему придется идти по чужим следам, заново опрашивать свидетелей.

В этом не было ничего особенного. Однако мысль о предстоящей работе – в одиночку! – приводила его в бешенство. В свое время Сергей Бабкин считался лучшим оперативником отдела – не в последнюю очередь благодаря хладнокровию, которое позволяло ему, не моргнув глазом, выдерживать пьянство коллег, ор начальства и бесконечную череду столкновений с самыми неприглядными сторонами человеческой натуры. Пока Бабкин не начал работать с Илюшиным, он крайне редко утрачивал присущую ему невозмутимость.

Макар – тот умел вывести его из себя! Макар кого угодно умел достать.

Но сейчас дело было не в нем. Независимо от илюшинских выкрутасов, Сергея с души воротило при мысли о предстоящем деле.

Такое происходило с ним впервые. «Отставить самокопание! – жестко сказал он себе. – Работаем».

Ратманская принесла фотографии сына за последние несколько лет. Мальчик везде был снят не телефонной камерой, а профессиональной. На самой последней он смотрел чуть мимо фотографа: круглоголовый пацан с коротко стриженными темными волосами и торчащими ушами. Угрюмое лицо, взгляд исподлобья. Говоря начистоту, Егор За-

белин выглядел как стереотипный беспризорник. Спортивные штаны и светло-серая толстовка – униформа подростков. Бабкин привычно разделил его лицо воображаемой линейкой, сопоставляя пропорции носа, лба и губ, маркируя каждую черту этого лица (лоб: средний, выпуклый; брови: широкие, горизонтальные, темные; глаза: горизонтальные, средние, карие, овальные; нос: короткий, широкий).

Пять фотографий, по одной на каждый год.

Сергей разложил перед собой снимки. В десять лет – совсем ребенок: толстощекий, с зачесанной набок челочкой и широкой улыбкой. Бабушкина гордость! В кармане булочка, в рюкзаке пирожок. Одиннадцать лет: улыбка исчезла, но щеки в наличии, волосы тоже. Взгляд вопросительный, брови чуть подняты: чего вы от меня хотите? Пока без враждебности. Двенадцать: почти то же самое, разве что челочка встала дыбом.

Тринадцать. Внезапно обрисовались скулы. Затвердела линия губ, в глазах не вопрос, а вызов. Характер отчетливее проявился в лице. В кармане не булочка, а мятые сигареты; на целую пачку не разориться, поэтому скидываются впятером и делят. Бабкин пометил в блокноте: проверить, состоит ли на учете в полиции. Все записи в деле он вел от руки, по окончании расследования сканируя их и копируя в «облако», – на этом настоял Макар.

Зачем Ратманская продолжала наблюдать за брошенной семьей? Из чувства долга? Чувства вины? Сергей не мог это-

го понять. Три-четыре раза в год Нина встречалась с лучшей подругой – единственной, кто был посвящен в некоторые детали ее новой жизни.

– Ее зовут Вера, – сказала Нина. – Вера Шурыгина. Она абсолютно надежный, очень честный человек.

– Вы позвонили ей? – спросил Макар.

– Я встретила с ней спустя четыре месяца после моего исчезновения. Подстерегла у подъезда, когда она возвращалась домой после работы. Кое-чему опыт Гришковца меня научил. Я не сказала... – Нина запнулась. – Я не сказала ей про отца. Наврала, что у меня случилась огромная любовь, какая бывает раз в тысячу лет. Мой возлюбленный – художник, меценат, богач. Он подготовил мой побег.

Илюшин поднял брови:

– А почему не сказали правду?

Нина задумалась. Сергей смотрел на ее тонкое аккуратное лицо, казавшееся ему теперь несколько кукольным, и пытался совместить с фотографией пухленькой бесхитростной женщины, которую он помнил по расследованию десятилетней давности.

– Ей не нужна была правда, – сказала она наконец. – Вера – человек, который вершиной литературы считает «Гранатовый браслет». Когда я в шутку говорила, что Желтков – самый настоящий сталкер, она ужасно сердилась. Для нее это история о романтической любви. Лишь такая любовь могла в

Вериных глазах служить оправданием моему исчезновению, вернее, не-возвращению. Если бы я сказала ей, что обрела намного больше, она бы меня не поняла. А мне требовалось, чтобы Вера стала моими глазами и ушами.

– Зачем вам это? – не выдержал Сергей.

Нина сухо усмехнулась:

– Я же не на исповеди, надеюсь? Какая разница. Я попросила ее приглядывать за моими детьми и рассказывать мне, что у них происходит.

– Значит, очень честный человек годами врал вашему мужу и шпионил для вас, – констатировал Макар.

– Вере это тяжело далось, – укоризненно сказала Нина. – Если бы не деньги, она никогда бы на такое не пошла.

– Так вы ей еще и платили? – расхохотался Макар.

– Я использовала в своих целях ее трудные жизненные обстоятельства, – отчеканила Нина с вызовом. – У Веры лежащая мать. Постоянно нужны средства на сиделок, лекарства, памперсы, катетеры... Я плачу Вере за ее помощь и молчание, а она на время забывает про свои моральные принципы. Я знаю, ее мучает эта ситуация. Но я предложила честную сделку, и она согласилась.

«Плата за то, чтобы спать спокойно, – подумал Бабкин. – Раз в три месяца удостоверяется, что дети живы и не голодают».

Он видел в этом какую-то издевку. Добрая фея издалека приглядывает за Золушкой, изнемогающей под гнетом до-

машинных обязанностей, но расшитое золотом платье и хрустальные туфельки хранит на антресолях для себя.

Все утро Сергей потратил на сбор информации.

Расследование начали быстро. В субботу вечером отец, Юрий Забелин, подал заявление, а уже к полудню следующего дня к поискам были подключены волонтеры. Фотографию мальчика запостили в соцсетях, обзвонили одноклассников и учителей.

К утру понедельника Егора не нашли ни в больницах, ни в моргах. Бабкин связался с оперативником, который занимался поисками, и спросил, когда можно подъехать, чтобы посмотреть записи с камер наблюдения.

– Три часа восемь минут. – Молодой безусый парень с гладким, как у девушки, лицом ткнул в монитор, хотя Бабкин и сам отлично видел цифры. – Суббота, двадцать шестое октября. Это он топает на автобусную остановку. Камера на салоне красоты, в квартале от его дома.

Бабкин сделал скриншот.

Егор был одет не по погоде легко. Яркая кепка, темная куртка до пояса – Сергей вспомнил, что они называются бомберами. Джинсы, светлые кроссовки. За спиной рюкзак, больше похожий на вещмешок. Мальчик шел быстро, не оборачиваясь. Он не выглядел напуганным и не прибавлял шаг.

– В три часа двадцать две минуты Егор сел на маршрут...

эээ... сорок первый. — Оперативник сверился с записями. — Проехал две остановки, вышел возле торгового центра «Эллипс» и потерялся в толпе.

Сергей пометил в блокноте: посмотреть камеры магазина.

— Можешь не тратить времени, — посоветовал парень, взглянув через его плечо. — Я там был вчера, опрашивал сотрудников, ну, и камеры глянул. Не-а, не появлялся он в «Эллипсе».

Сергей вспомнил шумную многолюдную площадь. Оживленный перекресток, шесть улиц расходятся лучами, можно уехать и на такси, и на маршрутке... Егор удачно выбрал место, чтобы затеряться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.